

Внешнеполитические перспективы России

Если в будущем европейский проект преодолет нынешние трудности, это укрепит «европейский вектор» политики Москвы и будет стимулировать евро-российскую интеграцию | **ДМИТРИЙ ТРЕНИН**

С 1992 года российская внешняя политика прошла через несколько этапов. Вначале, примерно до 2003 года, она была ориентирована в основном на интеграцию страны в западное сообщество. При этом в эпоху Бориса Ельцина речь шла о непосредственной интеграции РФ в основные трансатлантические и европейские институты. В начале правления Владимира Путина упор был сделан на союз с США и НАТО под флагом борьбы с международным терроризмом и на сближение с ЕС в рамках «европейского выбора» России.

По ряду причин — как внутрироссийских, так и международных — политика интеграции оказалась unsuccessful. Крутой поворот произошел в 2003–2004 годы. Вторжение США в Ирак, «дело ЮКОСа» и ответная кампания западных СМИ и международных организаций по «борьбе с путинизмом», трагедия Беслана и предоставление убежища лидерам чеченских сепаратистов в США и Британии и, наконец, «оранжевая революция» на Украине развернули вектор российской внешней политики. Идеологическим обоснованием этого разворота стали известные выступления Путина в связи с терактом в Беслане (4 сентября 2004 года) ¹ и его же речь на Мюнхенской конференции по безопасности (10 февраля 2007 года) ². Материальной основой нового курса стали

непрерывно повышавшиеся с 2003 года цены на нефть.

Время самоутверждения

Эволюция внешней политики РФ, начавшаяся в 2003–2004 годы, ознаменовалась отказом Москвы от усилий в направлении интеграции в западное сообщество. Вместо этого Россия сосредоточилась на укреплении собственных великодержавных позиций. Этот курс — «одиночное плавание» — принес ограниченные результаты ³. Благодаря выгодной экономической конъюнктуре Россия добилась финансовой независимости от Запада, после длительного перерыва обозначила свое политическое присутствие в ряде регионов Азии, Африки и Латинской Америки и создала видимость мирового «незападного альянса» с участием РФ, Китая, Индии, Бразилии — в рамках ШОС и виртуальных структур типа БРИК и РИК.

За одно десятилетие капитализация «Газпрома», составлявшая всего 10 млрд дол. после дефолта 1998-го, взлетела до 350 млрд долларов. Столь стремительный рост финансовых возможностей позволил многим в Кремле и около него говорить о России как об энергетической сверхдержаве. Внешние обозреватели стали говорить об «энергетическом оружии» России, сравнивая новообретенную энергетическую мощь с ядерной.

Кремль в тандеме с «Газпромом» применили это «оружие», перекрыв подачу газа Украине в январе 2006 и 2009 годов и ударив рикошетом по странам Европейского союза.

В 2000-е годы российская экономика включилась в мировой рынок. Политически Москва уже могла стоять на собственных ногах, отбросив костыли кредитов МВФ и рассчитавшись по суверенному долгу. Тем не менее стало очевидно, что Россия закрепляется на периферии мировой экономики, а ее политический вес и влияние в мире продолжают снижаться. В динамике развития и подъема на международной арене Россия стала уступать не только Китаю и Индии, но и таким странам, как Бразилия, Индонезия, Мексика, Турция и ЮАР.

Этап, отмеченный образами «суверенной демократии» и «энергетической сверхдержавы», завершился в 2008-м. Война между Россией и Грузией едва не привела к столкновению РФ и США. Мировой финансовый и экономический кризис поразил Россию в большей степени, чем какую-либо другую крупную экономику в мире. Продолжившийся на фоне всемирного падения ВВП уверенный рост Китая еще шире раздвинул «ножницы» в развитии России и ее великого восточного соседа. Ухудшилось положение РФ в основных мировых рейтингах, в том числе в оценках научно-технического потенциала. Едва ли не самым важным фактором — наряду с оттоком инвестиций — стало резкое падение и последующая стабилизация нефтяных цен. Совокупность этих неблагоприятных событий и процессов заставила российское руководство модифицировать внешнюю политику страны.

В 2009 году президент Дмитрий Медведев провозгласил курс на модернизацию страны. Это решение означало, что Медведев и Путин признали крах надежд на то, что непрекращающийся нефтяной бум вновь выведет Россию на первые позиции в мире.

(Такие надежды породил опубликованный в 2003-м доклад инвестбанка *Goldman Sachs* по поводу перспектив группы БРИК. Прогноз *Goldman Sachs* стал своего рода аналогом третьей Программы КПСС, обещавшей переход СССР к коммунистическому изобилию в 1980 году.) Удар оказался сильным: вплоть до поздней осени 2008-го российское руководство считало, что РФ останется «безопасной гаванью» в уже начавшемся мировом кризисе, но затем наступила резкая переоценка перспектив российской экономики. Своего рода антитезой *Goldman Sachs* стали многочисленные рейтинги, в которых позиции России неуклонно стремились «к югу». Публично Медведев высказывал сомнения по поводу объективности международных оценок, но «критика рейтингов» свидетельствовала не об уверенности руководства страны в перспективах экономического роста, а скорее о том, что ухудшение международного имиджа России — причем не только в номинации «права человека» — воспринималось в Кремле болезненно.

Особенности и ограниченность «модернизационной» внешней политики

Решение о курсе на модернизацию было продиктовано, на наш взгляд, прежде всего беспокойством российских верхов за великодержавные позиции России в мире. Прогрессирующее экономическое и технологическое отставание РФ угрожало не только утратой с трудом восстановленной субъектности страны и ее международной самостоятельности. Снижение международного веса России подрывало также международные возможности, в том числе финансовые, российской верхушки.

Само понятие «держава» означает самостоятельное государство. В представлении российского руководства необходимо во что бы то ни стало обеспечивать самостоятельность

РФ по отношению к ведущей глобальной державе США и поднимающейся глобальной державе Китаю. В конце 2008 года премьер Путин, наверное, мог бы, перефразируя слова Черчилля, сказать, что «не собирается председательствовать» при утрате Россией статуса великой державы⁴. Последовал вывод: «надо что-то делать».

Важно подчеркнуть, что российское руководство рассматривает модернизацию прежде всего как существенное повышение технологического уровня экономики, разви-

ни не справится. Владислав Сурков, автор термина «суверенная демократия», признал это публично и именно в этих выражениях⁵. Из этого признания логически вытекает, что внешняя политика, на предшествующем этапе служившая средством и полем державного самоутверждения России, превращается в инструмент поиска внешних ресурсов для модернизации страны.

Географическое направление этого поиска совершенно очевидно — это развитые страны, входящие в Организацию экономи-

“Внешняя политика, ранее служившая средством державного самоутверждения России, превращается в инструмент поиска внешних ресурсов для модернизации страны”.

тие ее инновационной составляющей — при ведущей организующей и контролирующей роли государства, то есть правящей корпорации. С одной стороны, это задает модернизационной политике довольно узкие рамки. Вся модернизация, таким образом, сводится к формуле: деньги плюс инженеры. Политическая система остается за скобками: существующая модель полностью отвечает интересам верхов. Соответственно, и дефекты этой системы, в частности, коррупция, рассматриваются как «вирус», а не системообразующий феномен. С другой стороны — нынешняя попытка модернизации, в отличие, например, от сталинской, носит явно невоенный, неконфронтационный, открытый миру характер, хотя и проходит параллельно с военной реформой и начавшимся перевооружением российских Вооруженных сил — после двух десятилетий фактического небрежения.

Исходным пунктом «смычки» модернизационной повестки дня и внешнеполитического курса является осознание руководством того, что в одиночку, с опорой только на собственные силы Россия с вызовом време-

ческого сотрудничества и развития (ОЭСР), прежде всего страны Европейского союза и США. С ними Россия стремится заключить, по выражению Дмитрия Медведева, «модернизационные альянсы»⁶.

С политикой модернизации связана и «перезагрузка» в отношениях России и США. Необходимо, однако, иметь в виду, что перезагрузка была инициирована Вашингтоном, где после смены администраций в начале 2009 года сменились и внешнеполитические приоритеты. Президент Обама в одностороннем порядке, без предварительных условий и вообще каких-либо переговоров с Москвой устранил основные раздражители, дестабилизировавшие российско-американские отношения в период второго президентства Джорджа Буша-мл.: продвижение Украины и Грузии к членству в НАТО, политическую и военную поддержку Михаила Саакашвили, планы по развертыванию позиционного района ПРО в Центральной Европе.

Москва на инициативы президента США откликнулась позитивно, но в целом осторожно. К осени 2010 года она ответила на американскую перезагрузку, существен-

но изменив свою позицию по Ирану. Свидетельством этого стали поддержка Россией резолюции СБ ООН № 1929, уже сточавшей санкции против Ирана, и в еще большей степени — запрет Кремля на уже оплаченные Ираном поставки российских зенитно-ракетных комплексов С-300 (цена вопроса составила примерно 1 млрд долларов). Между Кремлем и Белым домом возник определенный уровень взаимного доверия. Практическими результатами перезагрузки стали ратификация и реализация Договора о сокращении стратегических наступательных

бизнес-сообществу партнерство на основе соединения германских (европейских) технологий и российских ресурсов.

Ясно, что важнейшим условием модернизационного партнерства является стратегический поворот в отношениях между Россией и США/НАТО. Без такого сдвига надежды на модернизационное партнерство не могут быть реализованы. Другое условие — примирение между Россией и ее центральноевропейскими соседями, которое преодолело бы наследие имперского и коммунистического прошлого. В середине 2000-х годов плохие

“Убедившись, что не удастся надавить на Польшу руками партнеров Москвы — Берлина и Парижа, Путин лично возглавил линию на нормализацию отношений с Польшей”.

вооружений (СНВ-3 / *New START*); вступление в силу соглашения о сотрудничестве в ядерной энергетике («соглашение 123»); кроме того, США сняли остававшиеся препятствия к вступлению России во Всемирную торговую организацию.

На европейском направлении президент Медведев продвигал проект Договора о европейской безопасности (ДЕБ), идея которого появилась еще до войны с Грузией. Эта инициатива обозначает желание Москвы добиться баланса интересов в Евро-Атлантике. Продвижение ДЕБ свидетельствует, что РФ стремится закрепить существующий статус-кво, а не ревизовать его. Впрочем, шансы на реализацию этого проекта в том виде, в котором его предложил Медведев, практически равны нулю. Более перспективным в качестве средства укрепления доверия между РФ и США/НАТО представляется идея сотрудничества в области противоракетной обороны. Участие Медведева в Лиссабонском саммите НАТО стало символом намечающегося стратегического поворота. Владимир Путин, со своей стороны, предложил германскому

отношения с Польшей, вошедшей в состав Евросоюза в 2004-м, стали серьезным тормозом и ограничителем отношений России с ЕС. Убедившись в бесплодности попыток надавить на Польшу руками основных партнеров Москвы — Берлина и Парижа, особенно после ухода с политической сцены канцлера Герхарда Шрёдера и президента Жака Ширака, Владимир Путин лично возглавил линию на нормализацию отношений с Польшей.

Путин вскоре пришел к выводу, что для нормализации отношений с Польшей необходимо историческое примирение с поляками. В 2009 году он написал статью для издания *Gazeta Wyborcza* и приехал в Гданьск на мероприятия, посвященные 70-летию начала Второй мировой войны. По-видимому, именно тогда он сумел установить рабочий контакт с премьером Дональдом Туском. Как Барак Обама, Туск оказался необходимым партнером, без которого «перезагрузка» была бы невозможной. В начале 2010 года Путин пригласил Туска в Катынь, где вместе с польским премьером преклонил колени

перед памятником убитым полякам и признал вину Сталина за их массовое убийство.

Катастрофа польского президентского самолета под Смоленском, происшедшая сразу после совместной церемонии премьер-министров в Катыни, стала жестокой проверкой новых отношений. Слова и действия российских властей в связи с гибелью президента Леха Качиньского и десятков других, находившихся на борту, и реакция польских политиков и общества показали, что пока обе стороны эту проверку прошли. Не все шло гладко; дополнительные осложнения возникли в связи с расследованием комплекса причин, приведших к катастрофе президентского самолета. Но для поляков наиболее ценным было заявление Государственной думы РФ с осуждением расстрела польских граждан в 1940 году как преступления сталинского режима. В конце 2010-го политика исторического примирения была продолжена: президент Медведев нанес визит в Варшаву, а латвийский президент впервые с 1991 года совершил государственный визит в Москву.

Еще один пример — Арктика⁷. В 2007–2008 годы в средствах массовой информации активно обсуждалась тема дележа арктических богатств. Российские и западные политики обменивались жесткими, даже воинственными заявлениями. В 2009 году риторика сошла на нет, а в 2010-м Россия заключила соглашение с Норвегией о разграничении экономических зон в Арктике: сорокалетний спор завершился компромиссом по принципу 50:50. Это соглашение обозначило готовность Москвы решать спорные вопросы на договорно-правовой основе. В начале 2011 года государственная компания «Роснефть» заключила соглашение с BP об обмене активами и совместной разработке нефтяных месторождений Карского моря.

В отношениях с новыми государствами Москва взяла в целом умеренный курс. Риторика насчет «привилегированных инте-

ресов», «защиты граждан РФ за рубежом» стала звучать реже и глуше. После ухода в начале 2010 года главного раздражителя в Киеве — президента Виктора Ющенко — Россия приступила к урегулированию газовых отношений с Украиной. Продвигая свои интересы — например, по Черноморскому флоту, — Москва пошла на финансовые уступки Киеву и не стала настаивать на прежних (до 2004 года) планах интеграции Украины в единое экономическое и военнополитическое пространство с Россией.

Интеграция осуществлялась на добровольной основе — преимущественно с Казахстаном — в рамках вступившего в силу в 2010 году Таможенного союза. Сложнее оказалось с Белоруссией. Москва оказывала экономическое, политическое и психологическое давление на белорусского президента Александра Лукашенко с целью побудить его «открыть» белорусскую экономику российскому капиталу. Здесь Москве удалось, казалось, невозможное. С одной стороны, Медведев исключительно жестко критиковал Лукашенко, а подконтрольные Кремлю российские СМИ давали платформу оппозиционным кандидатам, многие из которых позиционировали себя как пророссийские. Внешне казалось, что Лукашенко перестал считаться в Москве договороспособным и его вычеркнули из числа партнеров РФ. Непривычное давление на «последнего диктатора Европы» с восточного направления было, однако, лишь средством добиться от него максимальных уступок. Перед самыми выборами Лукашенко был приглашен в Москву для согласования спорных вопросов. Наконец, в ночь после выборов белорусские силовики по каким-то причинам проявили бессмысленную и беспрецедентную даже для Минска жестокость в преследовании оппозиции. Это в одночасье разрушило весь западный вектор белорусской политики, который Лукашенко на протяжении нескольких лет старательно

выстраивал как противовес зависимости от РФ. В итоге к началу 2011 года Белоруссия оказалась привязана к России куда крепче, чем раньше. При этом Москва избежала упреков в поддержке минского самодержца — ведь она его критиковала почти так же сильно, как Запад.

В 2010-м Россия морально и политически поддержала свержение авторитарного президента Киргизии, который оказался для Москвы ненадежным партнером. Однако российские власти уклонились от вмешательства в политические и этнические конфликты в этой стране, несмотря на просьбы новых властей и видимой готовности Запада поддержать такое вмешательство. В то же время Москва прилагала дипломатические усилия для поддержания диалога между сторонами конфликтов в Нагорном Карабахе и Приднестровье.

В отношении Грузии позиция РФ осталась непреклонной: Абхазия и Южная Осетия — независимые государства; никакого серьезного диалога с Тбилиси не может быть до тех пор, пока у власти в Грузии находится Михаил Саакашвили. В то же время в течение всего периода после окончания войны 2008 года обстановка на границах Грузии оставалась спокойной, а разногласия по грузинской проблеме между РФ, с одной стороны, и США и странами ЕС — с другой, удалось «вынести за скобки».

Российские госкомпании «Роснефть» и «Транснефть» стали крупными должниками китайских государственных банков, была разработана программа тесного экономического сотрудничества между восточными регионами России и соседними провинциями КНР, заработал нефтепровод из России в Китай, сблизилась позиция по условиям будущих поставок газа, но никакого стратегического поворота России в сторону Китая не произошло. «Роснефть», как отмечалось выше, вступила в альянс с *ВР*. Российско-китайские

отношения развиваются в позитивном направлении, но очевидны и пределы экономического, политического и военного сотрудничества между двумя странами.

Главной стратегической задачей для России остается сохранение контроля над регионами Сибири и Дальнего Востока. Ровные и дружественные отношения с Китаем чрезвычайно важны, но односторонняя зависимость от все более мощного соседа признана неприемлемой. Проекты строительства нефтепроводов, космодромов и подготовка к саммиту АТЭС во Владивостоке служат именно этой цели. В 2010 году в Москве сделали важный вывод: китайские руководители отошли от завета Дэн Сяопина проводить неконфронтационную внешнюю политику и готовы предъявить претензии другим странам⁸. Это заставляет Россию стремиться сбалансировать отношения с Пекином путем развития связей с другими странами — Индией, Южной Кореей, Вьетнамом. Москва осторожно формулирует собственный подход к корейской проблеме, делая ставку на Сеул, занимает нейтральную позицию в территориальных спорах между Китаем и его соседями — странами АСЕАН и Японией.

Отношения с Японией остаются сложными, прежде всего из-за неготовности Токио к компромиссу по территориальной проблеме и нежелания Москвы удовлетворять японские претензии. В результате Южные Курилы превратились в обеих странах в предмет внутривнутриполитического потребления. Демонстративная поездка на Курилы президента Медведева — ход в его борьбе за право участвовать в выборах 2012 года. Медведев явно не хочет, чтобы его воспринимали как «нового Горбачёва», чрезмерно уступчивого по отношению к Западу. Оживление официальной японской риторики по проблеме «северных территорий» — стремление теряющего популярность правительства

Демократической партии Японии заручиться поддержкой правых патриотических сил. Таким образом, в Москве и Токио политика, то есть тактика, одерживает верх над стратегией — в условиях, когда коренные интересы обеих стран требуют их сближения. На фоне явного потепления отношений РФ с США и странами ЕС взаимная демонстрация жесткости между Россией и Японией выглядит диссонансом. В результате в краткосрочной и, возможно, среднесрочной перспективе главным модернизационным партнером Москвы в Северо-Восточной Азии становится Сеул.

Сценарии развития до 2020 года

Теоретически существуют три сценария развития российской внешней политики во втором десятилетии XXI века: инерционный (базовый), негативный и позитивный.

Все эти сценарии не могут не учитывать развития ситуации в мире. Мы уже указывали, какие коррективы во внешнюю политику РФ внес финансовый и экономический кризис 2008 года, какое влияние оказали на нее приход к власти Барака Обамы в США и Виктора Януковича на Украине. Можно добавить, что война на Кавказе в 2008 году была спровоцирована президентом Грузии. При построении будущих сценариев мы исходим из того, что в ближайшем десятилетии Россия вступит в ВТО; Китай будет проводить более напористую внешнюю политику; цены на нефть будут умеренно расти. В то же время многие другие факторы остаются неизвестными. Вплоть до конца 2010 года мало кто предполагал, что в краткосрочной перспективе произойдут фундаментальные политические перемены в арабском мире. Российская внешняя политика последних двух десятилетий была по преимуществу реактивной, и ситуация во внешнем мире будет серьезно влиять на внешнеполитическое поведение Москвы.

Вместе с тем мы исходим из того, что важнейшим источником внешней политики

любой страны, в том числе и России, являются внутренние потребности и приоритеты — как их определяет государственное руководство страны. В 2010-е годы определение баланса интересов и, соответственно, приоритетов развития России будет, вероятно, особенно сложным и трудным делом. В этой связи внутривнутриполитические противоречия будут, скорее всего, обостряться, что может привести к масштабному кризису. Такая ситуация сама по себе, не говоря уже об исходе кризиса, будет иметь серьезные последствия для внешнеполитического курса и международного положения страны.

ИНЕРЦИОННЫЙ СЦЕНАРИЙ исходит из продолжения «модернизационной» внешней политики. Хотя этот курс ассоциируется с личностью президента Медведева, в принципе он может реализовываться и в том случае, если в 2012 году пост президента России вновь займет Владимир Путин. Если Медведев делает упор на инновации, символом которых стал проект «Сколково», Путин призывает объединенную Европу к технологической интеграции. Речь идет об обмене активами и закреплении российских компаний на европейском рынке, а также о создании общих производственных цепочек от добычи до сбыта⁹. Интересно, что таким образом Москва заявляет линию на союз с крупными компаниями Запада, а не Китая или Индии. Понятно — в том числе, надо полагать, самому российскому премьеру, — что модернизация-интеграция в непосредственно путинском исполнении столкнется с большим скептицизмом на Западе, но само по себе возвращение Путина в Кремль не заставит Запад в корне изменить отношение к России.

«Модернизационная» внешняя политика, таким образом, имеет достаточно ресурсов на среднесрочную перспективу — до середины 2010-х годов. Потребности России

в технологиях и инвестициях очевидны и будут увеличиваться; рост мировых цен на нефть будет хотя и умеренным — в пределах 90–120 дол. за баррель, — но позволяющим эти потребности частично удовлетворять. Нынешнее политическое руководство РФ достаточно стабильно и с большой вероятностью сохранит власть на выборах 2012 года. Кроме того, президент Обама в том же году может быть переизбран на второй срок (до января 2017-го), а значит, есть основания рассчитывать на общую неконфронтационную динамику российско-американских отношений.

Разумеется, у этого курса существуют опасности и риски, прежде всего внутрисюжетские. Реакция в политических кругах ЕС и США на новый суровый приговор Михаилу Ходорковскому свидетельствует о росте песимизма на Западе в отношении перспектив «мягкой трансформации» политической системы РФ. Несмотря на заверения в обратном, движение в направлении правового государства буксует, власти используют судебную систему в собственных интересах; уличные выступления оппозиции жестко пресекаются милицией. Надежды, связанные с фигурой Медведева, ослабевают. Если, в свою очередь, усилятся репрессивные тенденции в российской внутренней политике, то ресурсы «перезагрузки», «партнерства в области модернизации» и т. д. существенно уменьшатся.

Центральное значение в этой связи будет иметь решение вопроса о возможности (или невозможности) сотрудничества между США/НАТО, с одной стороны, и РФ — с другой, в области противоракетной обороны. Движение в сторону создания какого-то варианта совместной (скоординированной, сопряженной) системы ПРО способно привести в конечном счете к трансформации стратегических отношений между Россией и Западом. Неудача такой попытки — при

одновременном продолжении работы по созданию глобальной американской системы ПРО с подсистемой в Европе (но без участия РФ) — способна, напротив, привести к новому обострению отношений и стратегическому отчуждению России от Запада. Путин и Медведев предупредили, что в ответ на перспективу «приобретения США способностей для нанесения первого ядерного удара и эффективной защиты от существенно ослабленного ответного удара РФ» Россия будет вынуждена перейти к наращиванию стратегических ядерных вооружений. Это — не блеф: поддержание стратегической независимости является константой внешней политики РФ. Ультимативная позиция Москвы — «либо совместная система ПРО, либо наращивание наступательных вооружений» — представляется в этих условиях очень рискованной, прежде всего для самой России. Гонка вооружений приведет к исчезновению внешних источников модернизации и быстрому истощению внутренних ресурсов для развития страны. Не станет крепче безопасность в Европе, а для США возрастет неопределенность относительно международной роли России и ее отношений с такими странами, как Иран или Китай.

Существуют и другие риски. Хотя развитие иранской ядерной программы замедлилось, возможность военного удара против Ирана сохраняется, будь то со стороны США или со стороны Израиля при американской поддержке. Такой удар может далеко развести Москву и Вашингтон и, наоборот, сблизить РФ с Китаем. В этих условиях можно ожидать коррекции российской позиции по корейской ядерной проблеме — опять же в сторону сближения с позицией Пекина. Есть риски и непосредственно на границах России. Несмотря на смену власти в Киеве в 2010 году, российско-украинские отношения не являются беспроблемными, а вопрос о членстве Украины в НАТО закрыт не

полностью и не навсегда. Администрация США, под давлением критиков «путинской России», может разрешить поставки в Грузию тяжелых вооружений, что сразу же обострит ситуацию на Кавказе. Президент (в будущем, возможно, премьер) Саакашвили может вызвать гнев Москвы, ведя рискованную игру на северокавказском направлении. В любом случае в Тбилиси вопрос восстановления территориальной целостности Грузии в границах Грузинской ССР не снят с повестки дня. Со своей стороны, Москва при

не хватает. В США преобладает взгляд на Россию как на страну, находящуюся в стадии долговременного упадка, значение которой для Америки постоянно снижается. Евросоюз поглощен собственными финансовыми, экономическими и политическими проблемами, у него отсутствуют единая стратегия и внутреннее лидерство. В этих условиях у всех трех игроков «негативная политика» имеет преимущества перед конструктивной.

Следует учитывать и постоянно присутствующее — явное или подспудное — недо-

“Установка российских руководителей на сотрудничество с Западом не опирается на осознание общности коренных интересов и базовых ценностей РФ, США и ЕС”.

определенных условиях может вмешаться в развитие ситуации у соседей — от Белоруссии до Узбекистана, — что может возродить представление о российской внешней политике как агрессивной, неоимперской.

Развитие ситуации в Азии уже сейчас ведет к росту напряженности в отношениях между Китаем, с одной стороны, и рядом его соседей, а также США — с другой. Хотя Россия почти наверняка будет сохранять здесь нейтралитет, ее тактическое маневрирование — «ни тем, ни другим» — в отсутствие внятной стратегии также будет иметь свою цену. Конкретный риск — серьезный кризис на Корейском полуострове, где могут столкнуться интересы КНР и США. России придется лавировать и, возможно, импровизировать на ходу.

Фундаментальным риском является неопределенность в отношении официальной России к Западу и неопределенность в отношении США и Евросоюза к России. Российские «верхи» не сделали однозначного стратегического выбора в пользу окончательного отказа от противостояния с США, хотя ресурсы для соперничества с США очевидно

и отсутствие институтов взаимодействия. Это обстоятельство усиливает значение психологического фактора. Установка российских руководителей на сотрудничество со странами Запада не опирается на осознание общности коренных интересов и базовых ценностей РФ, США и ЕС. Фундаментальной, напротив, является антизападническая «закваска». Справедливости ради стоит добавить, что стереотипы холодной войны не выветрились окончательно и из сознания политических классов Европы и Америки. В этих условиях то или иное событие может «выбить» отношения из привычной колеи, привести к резкому охлаждению и даже к враждебности. Инерционный сценарий, таким образом, имеет шанс «свалиться в негатив». Это заставляет внимательнее присмотреться к негативному сценарию.

НЕГАТИВНЫЙ СЦЕНАРИЙ будет определяться прежде всего развитием ситуации внутри РФ. Растущая неэффективность государственного управления, коррумпированность власти, ее смычка с криминалом; вызванное этим недо-вольство и брожение в обществе; невозмож-

ность, наконец, существенного улучшения ситуации без серьезного ущерба для интересов правящей группы могут толкать руководство страны к дальнейшему ужесточению политического режима. Это ужесточение будет, вероятно, сопровождаться радикализацией противников режима, эксцессами со стороны его охранителей и расширением практики политических репрессий: от точечных ударов по противникам до массового подавления активно несогласных.

Такое развитие событий, достигнув опре-

“Условие реализации позитивного сценария — готовность руководителей действовать исходя из общенациональных, а не групповых или корпоративных интересов”.

деленной отметки, способно в корне изменить отношение к РФ со стороны общественности и правительств США и стран ЕС, в том числе Германии — ведущей экономической силы и — в перспективе — политического лидера Европы: траектория движения России станет представляться им опасной. В этих условиях программы технологического («модернизация») и экономического («интеграция») сотрудничества с Россией будут ограничены и постепенно свернуты. В области безопасности акцент будет перенесен с включения РФ в какую-то общую систему поддержания стабильности в Евро-Атлантике на защиту восточноевропейских стран от России. В самой России это неизбежно вызовет резко отрицательную реакцию, которая облегчит властям введение режима «осажденной крепости». В этой обстановке ключевым фактором вновь может стать Украина. «Битва за Украину» — от Киева до Крыма — может стать главным содержанием российско-западных отношений. В результате Украина может превратиться в зону перманентного конфликта на востоке Европы.

В рамках такого сценария Белоруссия и

Молдавия также могут стать «театрами политических действий». Силовое подавление белорусской оппозиции в декабре 2010 года надолго, если не навсегда, закрыло перед Александром Лукашенко дорогу на Запад, но одновременно оно способствует радикализации будущих протестантов. Неминуемое в перспективе падение белорусского авторитаризма способно существенно приблизить страну к Европе, что в Москве может быть воспринято как отдаление Белоруссии от России. «Битва за Белоруссию», таким обра-

зом, может стать не менее ожесточенной, чем «битва за Украину». В Молдавии при определенных обстоятельствах может быть реанимирован конфликт на Днестре. Наконец, частью негативного сценария может стать обострение ситуации на Кавказе, причем как на Южном, так и на Северном, который «борцы с российским империализмом», начиная с Саакашвили, рассматривают как «ахиллесову пятю российского режима». В этой связи зимние Олимпийские игры 2014 года в Сочи могут стать удобным поводом для разнообразных акций, способных спровоцировать Москву на жесткие ответные меры.

В такой обстановке 45-й президент США, который сменит Обаму в 2017 году (или, что менее вероятно, в 2013-м), вынужден будет провести полномасштабную ревизию отношений с РФ. Пересмотр политики может привести Белый дом к выводу о том, что авторитарно-агрессивная Россия представляет среднemasштабную угрозу интересам США. Этот вывод, в свою очередь, будет иметь целый спектр последствий — от реанимирования функции НАТО как инструмента сдерживания Москвы до провозглашения

политики «поддержки свободы» в странах с авторитарными режимами. Одним из последствий может стать принятие ограничительно-запретительных мер в финансовой сфере, вплоть до персональных санкций в отношении отдельных российских высокопоставленных лиц и расследования их деятельности. Непосредственная атака на личности высших руководителей РФ станет началом новой холодной войны между Россией и Западом с крайне опасными последствиями для международной безопасности и целостности Российской Федерации.

Обострение отношений между РФ и США, резкое похолодание между Россией и Евросоюзом заставят Москву искать помощи и поддержки у других центров силы. В этих условиях логично предположить движение РФ в сторону укрепления отношений с КНР и трансформации нынешних отношений стратегического партнерства в квазисоюзнические отношения между Россией и Китаем — при ведущей роли Пекина. Китай, который до сих пор был в целом удовлетворен тем, что Россия была его надежным тылом и ресурсной базой, может оказаться заинтересован в более тесных отношениях с РФ в случае осложнения его собственных отношений с США, а также с их союзниками и друзьями — от Японии и Южной Кореи до Филиппин, Вьетнама и Индии.

Кроме того, Россия, остро нуждающаяся в финансовых ресурсах, вынуждена будет признать ведущую роль Китая в двусторонних отношениях и пойти на другие уступки — от предоставления китайским госкомпаниям доступа к российским ресурсам и военным технологиям до признания Средней Азии и Казахстана сферой государственных интересов Китая. Чтобы ослабить свою зависимость от Китая, Москва будет заинтересована в любых событиях, ведущих к росту нефтяных цен. Эта заинтересованность может привести к перемене российского подхода к Ирану

и к ситуации на Ближнем и Среднем Востоке в целом.

Другим вариантом негативного сценария, внешне противоположного описанному выше «реакционному» пути, может стать «мягкая» дезинтеграция страны. В этом случае государство, экономика, социальная сфера утрачивают единство и целостность, какие-то регионы погружаются в «новый феодализм», другие становятся придатками соседних, более успешных экономик, в стране в целом нарастает хаос с крайне опасными последствиями. Подобный сценарий менее вероятен, чем в 1990-е годы, но полностью сбрасывать его со счетов еще рано. Нынешняя ситуация на Северном Кавказе является иллюстрацией тревожных тенденций.

Перечисленные возможности и риски указывают на неустойчивость «модернизационной» внешней политики. Ее сильная сторона — прагматизм — оказывается одновременно ее большой слабостью (ценностная неукорененность и, как следствие, неустойчивость). Другое кажущееся преимущество — сосредоточение процесса принятия решений в руках первых лиц и практическое исключение других акторов — оборачивается крайней уязвимостью: не только в случае смены этих лиц, но прежде всего в связи с тем, что в условиях изоляции «решателей» от общества и даже от правящей группы в целом возрастает вероятность просчетов и грубых ошибок.

ПОЗИТИВНЫЙ СЦЕНАРИЙ При описании позитивного сценария мы не будем исходить из вероятности «чудесного исцеления» российского правящего слоя и общества от присущих им недугов. Речь будет идти о той России, которая существует в начале 2011 года, и о тех ее правителях, которые, по-видимому, останутся у руля в обозримом будущем — возможно, даже до 2020-го. Главным условием реализации позитивного сценария является готовность конкретных руководителей — в

силу каких бы то ни было причин — действовать исходя из общенациональных, а не групповых, клановых или корпоративных интересов. Таким образом, реалистический позитивный сценарий является, на наш взгляд, умеренным, с отчетливо выраженной национальной компонентой.

Фактически речь идет о готовности реализовывать те самые идеи, которые высказывал президент Дмитрий Медведев и в начале своего президентства Владимир Путин: выстраивание институтов правового государства, существенное улучшение инвестиционного климата, сдвиг политической системы в сторону большей конкурентности в рамках закона и установленных правил игры, соблюдаемых всеми, включая саму «верхушку». Такой поворот можно было бы назвать «конституционалистским». Он не угрожал бы положению «первых лиц» страны, но возвратил бы Россию на путь экономических, социальных, политических трансформаций, с которого страна съехала, оказавшись в нынешнем тупике.

Возможно ли это? «Система» обладает некоторой — ограниченной — способностью действовать в направлении необходимых реформ; свидетельством тому — военная реформа, реализуемая с 2008 года¹⁰. У российской политической системы развит инстинкт выживания, она обладает тактической гибкостью (ярким примером гибкости является переход от «единоначалия» к тандему) и не связана идеологическими веригами. Ее лидеры хотят сохранить «Великую Россию» — какой бы смысл они ни вкладывали в это понятие; они явно не хотят конфронтации с Западом и т. д.

Очевидно, однако, что даже если бы высшее руководство поставило перед собой такие задачи, как санация (декриминализация) существующего режима «сверху», реальное повышение эффективности государственного управления и расширение перспектив для общества в целом, то подобные преобразования натолкнулись бы на слиш-

ком серьезные препятствия в виде интересов конкретных кланов и групп, на которые высшее руководство опирается.

Впереди кризис, и приближение столетия событий 1917 года не только создает психологические рамки, но и предлагает модели выхода из него революционным — «февральским» или «октябрьским» — путем. Обе эти модели, однако, сопряжены с огромными рисками и гигантскими издержками. И сто лет спустя революционные потрясения чреваты гибельными последствиями для России. Пока что, как и в 1911 году, еще существует эволюционный путь, но и он не предполагает линейного развития. Для его успеха требуется, чтобы на фоне — и под воздействием — поднимающегося общественного движения современно — и вместе с тем патриотически — мыслящая часть верхушки осознала себя в качестве ядра политического класса, способного думать в категориях общенациональных интересов. Если эта группа сможет возобладать в политическом руководстве, она сможет стать партнером общества в общенациональном диалоге (модель «круглых столов») и вместе с ними заложить основы гражданской республики — как «общего дела» россиян.

С учетом подобного поворота во внутренней политике будет возможно существенно продвинуться в направлении четырех главных целей — по географическим направлениям — внешней политики РФ: замирения на западе, стабилизации на юге, укрепления на востоке, интеграции в центре.

Замирение на западе. Главная ближайшая задача на западном направлении: надежно стабилизировать отношения с США и ЕС, придать их нынешней позитивной инерции необратимый характер. Выдвижение задачи интеграции — в НАТО или ЕС — либо преждевременно, либо бесперспективно и поэтому нецелесообразно. Вместо этого нужен курс на демилитаризацию политических отношений и экономическое

сближение с Западом в ходе развития модернизационной повестки дня. Российская экономика в этом варианте интегрировалась бы в мировую экономику в качестве кооперанта — члена глобальной производственной цепочки.

Основные составляющие этого курса:

- реальная демилитаризация отношений с США и НАТО, формирование Евро-Атлантического сообщества безопасности, в рамках которого война как средство решения возникающих конфликтов гарантированно исключается;
- трансформация стратегических отношений между РФ и США, возможно, на путях создания системы ПРО на основе сотрудничества РФ с США и НАТО;
- осуществление исторического примирения со странами Центральной и Восточной Европы: Польшей, государствами Балтии и др.;
- создание общего экономического пространства с Европейским союзом; создание панъевропейского энергетического партнерства; отраслевая интеграция (в энергетической, авиационной, космической, военно-технической и других областях); формирование общего гуманитарного пространства (отмена виз); приграничное региональное сотрудничество;
- формирование отношений тесного сотрудничества и взаимного уважения с новыми европейскими государствами: Украиной, Белоруссией, Молдавией.

В более отдаленной перспективе (после 2020 года) необходим выход на новое качество отношений с ЕС. Не в формате «союза с Европой», а в виде зоны свободной торговли в экономике; общеевропейского сотрудничества во внешней политике; Евро-Атлантического сообщества безопасности.

Стабилизация на юге. Ситуация в регионе Ближнего и Среднего Востока, Средней

Азии и Казахстана, Южного Кавказа будет оставаться чрезвычайно подвижной и взрывоопасной. Начавшееся революционное брожение в арабском мире еще более осложняет картину этого макрорегиона. Для стабилизации Юга Российской Федерации необходимо выстраивание отношений стратегического партнерства с Казахстаном, установление тесных отношений взаимодействия с новыми государствами Средней Азии и Закавказья. Требуется реформа и укрепление таких институтов, как ЕвразЭС и особенно ОДКБ. Последний должен превратиться в центральный инструмент обеспечения региональной стабильности и безопасности в регионе, включающем Среднюю Азию и Казахстан. При этом российская внешняя политика обязана учитывать как относительную непрочность постсоветских авторитарных режимов, так и опасности, связанные с радикальным исламом.

За пределами бывшего СССР основным стратегическим партнером РФ выступает Индия. Отношения Москва—Дели могут стать одним из важнейших факторов стабильности в Центральной и Южной Азии.

Опираясь на ОДКБ и отношения с Индией, Россия может повысить эффективность Шанхайской организации сотрудничества как фактора стабильности и развития во внутренних регионах Азии. Взаимодействие с Китаем имеет для этого важнейшее значение.

Другими факторами стабилизации Юга выступают отношения с Турцией, особенно на кавказском направлении; конструктивное взаимодействие России с другими странами по ядерной проблеме Ирана и выстраивание отношений с Тегераном на длительную перспективу; участие РФ, наряду с другими государствами, в стабилизации положения в Афганистане в условиях вывода оттуда войск США и НАТО; диалог с умеренными силами в Пакистане; конструктивная роль в ближневосточном «квартете».

Укрепление на востоке. В условиях сдвига центрального театра международных политических и экономических отношений в Азиатско-Тихоокеанский регион России необходимо осознать себя евро-тихоокеанской страной. На восток от Москвы расположены не только Восточная Азия (Китай, Корея), но и островные страны западной части Тихого океана (Япония, Индонезия, Филиппины, Сингапур), а также «англосаксонские» страны — США, Канада, Австралия, Новая Зеландия. Строго говоря, восточным соседом России являются именно США. Упор на Тихий океан открывает перед Россией новые горизонты сотрудничества и позволяет сбалансировать азиатский континент, где доминирует Китай.

Главная задача до 2020 года — «запустить» развитие Восточной России (Тихоокеанской России и Восточной Сибири) по модели «двойной интеграции»: внутрirosсийской и азиатско-тихоокеанской. Партнерами России выступают не только Китай, с которым необходимо выйти на сбалансированное партнерство. Принципиально важно превратить Японию в «Германию на востоке» — экономическую и технологическую опору модернизации России, а также важного политического партнера Москвы. Подъем Китая, возможно, поможет этому. Другими источниками модернизационных ресурсов и технологий выступают Южная Корея и Сингапур. Наконец, тихоокеанская проекция внешней политики рассматривает США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию в качестве региональных партнеров.

Чем больше у России таких партнеров, тем выше российский триколор на берегах Тихого океана. Подготовка саммита АТЭС 2012 года дает шанс обустроить Владивосток не только как «бизнес-тавань», «ворота в АТР», но и как «тихоокеанскую Ставку» российского правительства, место дипломатических и деловых контактов с представителями наиболее динамичной части современного мира, фактически — как

одну из «неформальных столиц» РФ в XXI столетии. Другие города Тихоокеанской России и Сибири — Хабаровск, Иркутск, Петропавловск-Камчатский, Южно-Сахалинск — могли бы стать центрами развития региональных двусторонних связей.

Интеграция в центре. Развитие отношений РФ со странами, вышедшими из СССР, является важным индикатором модернизации российской внешней политики. Исходным принципом этих отношений со стороны Москвы должно было бы стать всемерное развитие экономического, научно-технического, культурного и гуманитарного сотрудничества без попыток политической интеграции этих стран в единый с РФ блок и превращение этого блока в региональный «центр силы». Развитие наднациональных институтов имеет смысл ровно в той мере, в какой это обусловливается экономической необходимостью. Таможенный союз, единое экономическое пространство, зона свободной торговли и другие формы интеграции создаются для содействия развитию России и ее партнеров, а не как фундамент для политической надстройки с центром в Кремле.

Если это признается главной целью российской политики в данном регионе, то ЕврАзЭС может стать основой для реально действующей зоны свободной торговли; ОДКБ превращается в современную многостороннюю и многопрофильную структуру безопасности в Средней Азии и Казахстане; СНГ обеспечивает свободу передвижения без виз и культурное сотрудничество. Важным условием успеха российской внешней политики на этом географически центральном направлении становится способность российской внешней политики урегулировать — в сотрудничестве с заинтересованными сторонами — «замороженные» еще 20 лет назад конфликты, начиная с Приднестровского, и нормализовать отношения с Грузией.

России, если она хочет стать региональным лидером (что в принципе возможно и желательно), предстоит включить «мягкую силу», захотеть и научиться производить — хотя бы в региональном масштабе — «международные общественные блага». Сугубый эгоизм, неспособность или нежелание жить и для других тоже несовместимы с претензиями на лидерство. Надо уметь не только «брать», но и «давать».

***

Помимо традиционных геополитических измерений у внешней политики есть и глобальное. Постоянно расширяясь, оно охватывает общие для всего человечества проблемы — такие, как климат и экология; энергетика и энергоэффективность; проблемы ценностей, норм и принципов; межкультурные и междивизиационные отношения; новые измерения безопасности — от борьбы с международным терроризмом и кибербезопасности до распространения оружия массового уничтожения и обеспечения прав и свобод личности. Эта новая повестка дня во многом меняет содержание международных отношений.

В этих условиях Россия должна научиться действовать как «гражданин мира», организованного как совокупность не только государств, но и бизнес-корпораций, неправительственных организаций, междоударственных объединений, а также отдельных личностей, связанных друг с другом в социальных сетях. Участие РФ в международных организациях и форумах — от ООН до «двадцатки» — должно стать не только «демонстрацией флага»; оно должно ставить себе целью производство реальных и востребованных «международных общественных благ» уже на глобальном уровне.

Заклучение

Главные факторы, которые будут оказывать влияние на формирование внешней политики России, это: во внутренней политике —

выбор между модернизационным развитием страны и движением инерционным, опирающимся на пресловутую «трубу»; во внешней среде — политика США, которая будет либо по-прежнему провоцировать у российского руководства «синдром осажденной крепости», либо сумеет вовлечь Москву в сотрудничество на приемлемых для РФ условиях. Другим внешним фактором является политика КНР: степень ее напористости или, напротив, гибкости на российском направлении. Ведущая роль принадлежит европейскому фактору. Если в будущем европейский проект сумеет преодолеть нынешние трудности, символом которых стал кризис евро, то дальнейшее развитие ЕС усилит «европейский вектор» политики Москвы и будет стимулировать евро-российскую интеграцию. Провал проекта, напротив, лишит Россию естественного «якоря» на мировой арене.

Позитивный сценарий выглядит нереальным, негативный — страшным, а инерционный — скучным и безрадостным. В реальности ни один из трех реализован не будет — и не может быть. Сценарии — не прогнозы. Тем не менее есть смысл действовать так, чтобы вовремя пресечь или ослабить тенденции, ведущие к негативному сценарию, и усиливать факторы, способные помочь выйти на «позитив». С этой точки зрения, очень важным представляется серьезный разговор между представителями всех ответственных общенациональных политических течений России — консервативного, социалистического и либерального — о начальных принципах, направлениях и целях внешней политики страны. Экспертное сообщество могло бы предоставить свои ресурсы для обеспечения такого разговора. Такой разговор способствовал бы осознанию взаимосвязи общих, секторальных, региональных и прочих интересов и их отражение в интересе общенациональном; он также помог бы обозначить общую почву для всех политических сил РФ.

Внешняя политика, конечно, сильно зависит от состояния дел внутри страны — в экономике, в обществе и в политике. Она, однако, не является простым продолжением или отражением внутренней. У нее собственные логика и динамика. Верно, однако, и другое: от внешнеполитического положения России, прежде всего, от ее отношений с Западом, во многом зависят условия протекания внутренних процессов. В атмосфере «осажденной крепости», когда «режим» воюет на два фронта — против внешних недоброжелателей и против внутреннего врага, — оппозиция вла-

сти выглядит «пятой колонной» внешних сил, что ослабляет ее влияние и дает возможность власти монополизировать патриотизм. Напротив, при наличии хороших межгосударственных отношений и широкой открытости России в сторону Запада российский «режим» чувствует себя комфортно и относительно безопасно, но куда важнее то, что общество получает доступ к ресурсам развития. В этих условиях возникают реальные предпосылки для преобразования не только социальной среды, но в конечном счете и политической системы страны. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Обращение Президента России Владимира Путина. Москва. 4 сентября 2004 года (http://archive.kremlin.ru/appears/2004/09/04/1752_type63374type82634_76320.shtml).

² Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Мюнхен. 10 февр. 2007 г. (http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml).

³ Более подробно см.: *Тренин Д.* Одинокое плавание / Московский Центр Карнеги. М.: Изд-во Р. Эллина, 2009.

⁴ Имеется в виду фраза Уинстона Черчилля, произнесенная им в ноябре 1942 года в связи с успешными действиями британских войск в Египте: *I have not become the King's First Minister in order to preside over the liquidation of the British Empire* («Я не для того стал королевским премьер-министром, чтобы председательствовать при уничтожении Британской империи»).

⁵ См., например: Обновляйтесь, господа! // Итоги. 2009. 26 окт.; Владислав Сурков встретился с сообществом «Futurussia». 7 апреля 2010 года (<http://state.kremlin.ru/face/7495>).

⁶ См., например, выступление президента Медведева на совещании с российскими послами и постоянными представителями в междуна-

родных организациях в Москве 12 июля 2010 года (<http://news.kremlin.ru/transcripts/8325>). Поворот в сторону Запада прослеживается и в высказываниях министра иностранных дел Сергея Лаврова в Лондоне в феврале 2011 года в ходе пресс-конференции по итогам переговоров с главой МИДа Соединенного Королевства Уильямом Хейгом (http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/5E7F059B024CDC39C32578380070D2AF). Ранее свидетельством новых веяний во внешней политике стала публикация некоего внутреннего документа российского МИДа в журнале «Русский *Newsweek*»: *Гаазе К., Зыгарь М.* Россия поменяет внешнюю политику // *Русский Newsweek*. 2010. № 20 (288).

⁷ По Арктике см.: *Тренин Д., Бабев П.* Арктика: Взгляд из Москвы / Московский Центр Карнеги. М.: Пресс Клуб Сервис, 2010.

⁸ Демонстративный таран 7 сентября 2010 года китайской рыболовецкой шхуной судна японской береговой охраны у островов Сенкаку «поднял волну» по всему тихоокеанскому побережью Азии. Явное свидетельство притязаний КНР на острова в Южно-Китайском море обеспокоило Вьетнам.

⁹ Стратегия Путина изложена в его статье в газете *Süddeutsche Zeitung: Putin W. Von Lissabon bis Wladiwostok* // *Süddeutsche Zeitung*. 2010. Nov. 25.

¹⁰ См.: *Гальц А.* Армия в 2020 году: современная или советская? // *Pro et Contra*. 2010. № 4–5.